

СОБОРНОСТЬ КАК (НЕ)СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

ШМЕРЛИНА Ирина Анатольевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (shmerlina@yandex.ru).

Аннотация. Статья посвящена реконструкции концепта «соборность» и мотивирована некорректным, по мнению автора, использованием его в современной социологической литературе. Выдвинув в качестве основной дилеммы понимание соборности как трансцендентной/социально нагруженной категории, автор дает неоднозначное ее решение. Показано, что понятие соборности, появление которого в русской религиозной философии и, шире, русской культуре, традиционно связывается с именем А.С. Хомякова, глубоко уходит в религиозно-мистический опыт последнего и требует осторожного обращения. Соборность, в ее аутентичном понимании, есть божественная благодать, снизошедшая на собрание верующих, и мистически преобразившая его. Данное понятие принадлежит теологической картине мира; привнесение его в социологический анализ некорректно, а использование в социально-политическом дискурсе неблагоприятно, поскольку задает ложные ориентиры и ценности. В то же время присутствующая во многих работах вульгаризация понятия «соборность» объясняется не только поверхностным и/или тенденциозным прочтением, но и присущей данному концепту амбивалентностью, разрывами между его аутентичным содержанием и заложенными в нем латентными ментальными конструкциями, аналитически выявляемыми при определенном исследовательском ракурсе. «Соборность» порожденная как социальная, в своих базовых интуициях, категория, и в своем историческом развитии к этим интуициям возвращается. Наличие определенной связи между мистическим аутентичным содержанием «соборности» и ее социальными проекциями, а также ее последующее социологически неизбежное обмирщение превращает рассматриваемый концепт в чрезвычайно любопытный объект терминологического анализа.

Ключевые слова: соборность • соборный • Церковь • единство • системное целое • сельская община • славянофилы • А.С. Хомяков • Ю.Ф. Самарин

DOI: 10.31857/S0132162524040035

Дискурс о соборности. Русская религиозно-философская мысль выработала столь своеобразные представления об основах социального общежития, что социологическая экспертиза этих взглядов, а также их последующей культурной рецепции, не перестает, несмотря на многочисленные публикации, оставаться актуальной научной задачей. В центре русской религиозной философии находится концепт «соборность», являющийся, по общему мнению, наиболее яркой и самобытной идеей отечественного философско-гуманитарного наследия. Об этом загадочном понятии писали много и по-разному – в жанровом диапазоне от лубка до религиозно-мистического откровения. Давая нестрогое обобщение встречающихся в современной социологической/социально ориентированной литературе интерпретаций соборности, выделим некоторые повторяющиеся черты, указывающие на определенный консенсус в отношении данного понятия. Прежде всего, сегодняшний несколько экзальтированный дискурс соборности связан со стремлением увидеть в ней культурный код русской цивилизации, ее наиболее глубинные, архетипические основания, что отражено, например, в утверждении: «Идея соборности имеет фундаментальное значение в русской культуре. Она *conditio sine qua non* образа жизни, мышления и познания русского человека. ...Соборность есть русский национальный архетип» [Голович, 2020: 121]; «это одна из главных ипостасей отечественной мудрости» [Гулыга, 1992: 83]. Некоторые авторы делают при этом акцент на социально-психологических

характеристиках, представляя соборность в качестве структурообразующего ядра национального менталитета¹, другие – в целом на архитектуру русского национального 'здания' в его историческом и актуальном воплощении². Рассуждения такого рода часто сопровождаются «этнографическими», по удачному выражению А.Л. Анисина [Анисин, 2009: 9], трактовками соборности как уникального достояния русской культуры, не имеющего аналогов в духовном наследии других народов³. За редкими исключениями, она подается как ценность, воплощающая исключительно позитивные аспекты социальной действительности и духовного мира⁴ и способная послужить основой для «соборного устройства реальности» [Хоружий, 2012: 9] как в национальном, так и геополитическом масштабе⁵. Все эти трактовки, в том или ином ракурсе социологизирующие соборность, далеко отходят от аутентично-богословского смысла данного понятия. Между тем аутентичный смысл соборности не имеет никакого отношения к социальной жизни в ее земном измерении.

Соборность в аутентичном прочтении. А.С. Хомяков – родоначальник понятия «соборность», нигде и никогда его не произносивший, – видел в ней специфический способ претворения божественного промысла в земной жизни. Данное понятие наполнено глубоко мистическим содержанием, любые попытки выразить которое – через выявление соответствующих признаков, атрибутов, характеристик – наталкиваются на антиномии,

¹ «Соборность – это органичная составляющая менталитета русского народа», «без которого немислима атмосфера русской духовности» [Костылева, 2007: 50, 49], «первоначальная интуиция русского духа», «существо русской ментальности» [Сагатовский, 1994: 104, 105], «родовые, на генном уровне заложенные понятия русской души» [Ерофеева, 2010: 18]; «константа русского национального самосознания» [Пестрецов, 2008]; «структурообразующие элементы русского национального характера», «метафизические основания смысложизненных ценностей русского этноса» [Киреев, 2009: 6, 148]. «Погружаясь в идею соборности, мы попадаем в эпицентр русского национального самосознания, мы открываем его специфику» [Алейников, 2017: 4].

² «Соборность ...получила универсальную реализацию в социокультурной жизни русских» [Монина, 2010: 49], это «генетический код российского социума» [Мищенко, 2011: 319], «сущностный элемент социокультурной структуры российского народа и российского государства» [Киреев, 2009: 7]; «на протяжении всей истории России она пронизывает межличностные и межэтнические отношения, культуру, политическую систему, экономику» [Костылева, 2007: 50].

³ «Начало соборности является капитальным достижением и "изобретением" русской культуры и ее *diferentia specifica* в отношении к западноевропейской культуре», – пишет Р. Голович, необоснованно ссылаясь при этом на А.А. Гулыгу; «русская культура именно благодаря началу соборности отличается от культуры других народов как самобытная соборная культура» [Голович, 2020: 121]; «вне всяких сомнений, соборность есть самая высочайшая идея, рожденная русской мыслью» [Теплых, 2021: 204]; это «явление, способное оформиться только на российской земле» [Ерофеева, 2010: 18].

⁴ «...вне всяких сомнений, соборность есть ...высочайшая идея, ...наиболее точно отражающая, и характеризующая русскую духовность в контексте всех основных ее ценностей», «идеал русской социально-духовной организации, высшая коллективная ценность в России» [Теплых 2021: 204, 203], «субстанция любого ценностного бытия» [Бабич, 2009: 65].

⁵ «Категория "соборность" наполнена конкретным практическим смыслом, содержащим целевой идеал социальной деятельности, предпочтительный для благополучия личности и общества», «нравственно ориентирована на решение глобальных проблем современности» [Киреев, 2009: 3, 14]; «Принцип соборного устройства общества может стать средством гармоничной консолидации людей, основой для становления национального единства российского государства», он «важен в деле гармонизации человеческих взаимоотношений и за пределами определенных национальных рамок» [Бармашова, Ломанов, 2020: 73, 78]; это «принцип, на основе которого возможно «собрание Вселенной», начав с собственной страны, с собственного народа, с себя самого» [Теплых, 2021: 204]; «мы полагаем, что сегодня переосмысление ...понятия "соборность", способствующего сохранению духовно целостной природы человеческого существования, может рассматриваться в качестве альтернативы ценностям, утверждаемым глобальной цивилизацией» [Мороз, Рымарович, 2016: 8]; «Учение о соборности обнаруживает свою особую значимость для ситуации начала XXI в. ...Хомяков намечил основные вехи «дорожной карты» обретения соборности, и мы можем продвигаться по этому пути в современном духовном и социальном лабиринте, обходя те препятствия, которые повседневно встречаются на пути к солидарности и справедливости» [Горелов, 2017: 95].

не подвластные рациональной логике. Соборность выступает как «единство во множестве» [Хомяков, 1994: 242 (Курсив мой. – Прим. И.Ш.)], однако это не то единство, которое описывается средствами системной теории. Она есть *любовь*, но это не та любовь, что движет человеком в его тварной жизни. Она есть *свобода*, но эта свобода не предполагает возможности выбора между альтернативными решениями. Соборность воплощается в *собрании* индивидов, но неверно трактовать ее ни как «религиозно-церковную общность людей, объединенных православными ценностями» [Монина, 2010: 51]⁶, ни как некий принцип социальной интеграции, в соответствии с которым подобные общности возникают⁷. Соборность есть эманация Божественного духа на собрание верующих; это то, что приходит как благодать, нисхождение Божественной любви и милости.

Главное, что следует понять в соборности, состоит в том, что соборность имеет отношение не к личности, но к церкви как целостному субъекту веры; благодать нисходит не на человека как такового (ибо «...никто один не спасается. Спасаящийся же спасается в Церкви как член ее и в единстве со всеми другими ее членами» [Хомяков, 1994: 19]), но на общность, собрание верующих, пребывающих в совместной молитве (в этом, по-видимому, специфицирующий смысл понятия «соборность» в его отношении к «благодати»). Церковь, таким образом, перестает быть простым, эмпирически различимым собранием индивидов, но становится мистическим единством верующих, преображенных Святым духом («где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18: 20)).

В единстве мистически преображенного церковного собрания допустимо, на наш взгляд, видеть системное целое (неслучайно Хомяков пользуется при описании церкви метафорой организма: «Единство ...Церкви не мнимое, не иносказательное, но истинное и существенное, как единство многочисленных членов в теле живом» [Хомяков, 1994: 5]), однако его признаки – не социального, но трансцендентного свойства. Как подчеркивает прот. О.Н. Алейников, «рациональное, формально-логическое разрешение проблемы церковного единства» через диалектическое соотношение «единства» и «множества» / «части» и «целого», мыслимое «либо как механический, либо как органический процесс, ...оказывается невозможным» [Алейников, 2017: 24–25]. «Единство» здесь – это не единство пребывающих в совместной молитве единомышленников, но *единство божественной благодати*, которое не распадается, не теряет своей целокупности, освещающая собой собрание верующих. Согласно одному из ‘программных’ тезисов А.С. Хомякова, «Церковь не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божьей благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати» [Хомяков, 1994: 5]. В описании В.И. Иванова соборность предстает как единство воплощенного Слова божьего: «В каждой [личности] Слово приняло плоть и обитает со всеми, и во всех звучит разное, но слово каждой находит отзвук во всех, и все – одно свободное согласие, ибо все – одно Слово» [Иванов, 1994: 100].

Подобным образом понятая соборность не имеет никакого отношения к собиранию целого из частей, к коллективу (собранию) индивидов, и, похоже, индивидам как таковым; в этом отношении изначально она вообще не имеет никакого социологического ракурса. Она «не есть человеческая, но Божественная характеристика Церкви» [Флоровский,

⁶ В других вариантах этой в целом преобладающей трактовки соборность подается как «свободное единство православного русского народа в любви» [Медушевская, 2010: 26], «свободное духовное единение людей ... в церковной жизни ... и в мирской общности» (Лазарев В.В. Соборность. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0178cc6530a5c64973161178>), «единство многих лиц на основе общей их веры к Богу» [Осипов, 2015: 403], «особый род человеческой общности, характеризующийся свободой, любовью, верой» [Мороз, Рымарович, 2016: 7] и т.п.

⁷ В рамках данного подхода соборность определяется как «принцип существования сообщества единомышленников, построенного на духовно-религиозных и нравственных основах» [Киреев, 2009: 17], «способ организации общественной жизни русского народа, ... форма его деятельности по единению во имя высших ценностей» [Костылева, 2007: 49], «универсальный конструктивный принцип эмпирических форм общения индивидов» [Мищенко, 2011: 322], «универсальный способ интеграции социума» [Бармашова, Ломанов, 2020: 79] и т.п.

2009: 353]. Акцент на Святом Духе и его благодати как сущности церкви задавал «крайне “воздушную”» ее концепцию (см.: [Валицкий, 2019: 236]. Как замечает В.М. Лурье, «в такой божественной Церкви ...затруднительно разместить реальных людей», что, по-видимому, понял сам А.С. Хомяков в своих поисках природы единства церкви (см.: [Лурье, 2020: 84]).

Важно заметить, что в представлении соборности как *мистической целостности церковного собрания* речь идет не просто о духовно преображенной общности людей, стоящих на молитве в храме, но о собрании, не имеющем пространственных и временных границ: «“собор” выражает идею собрания, не обязательно соединенного в каком-либо месте, но существующего потенциально без внешнего соединения» [Хомяков, 1994: 242]; в этом плане она есть нечто вроде «мистического единства рода человеческого» [Бирюков, Сергеев, 1995: 57]. Такого рода соборность плохо поддается дискурсивному осмыслению, но постигаема скорее опытно-интуитивным путем (именно так, как мистическое откровение религиозного опыта, идея соборности пришла к самому А.С. Хомякову). В.И. Иванов подчеркивал: «нет ни типического явления в жизни, прямо и всецело ему соответствующего, ни равного ему по содержанию логического понятия – “концепта”. Смысл соборности такое же задание для теоретической мысли, как и осуществление соборности для творчества жизненных форм» [Иванов, 1994: 101].

Учитывая все вышесказанное, весьма проблематично рассматривать соборность в социологическом ракурсе. Тем не менее основания для этого есть, и социологизация данного понятия, сколь бы вульгарные формы она порой ни принимала, неслучайна и отражает его сущностные начала. «Соборность» родилась как социальный в своих базовых интуициях концепт, и к этой своей исходной основе она неизбежно вернулась.

Социальные коннотации соборности. В этом довольно сложном сюжете просматриваются три аспекта – этимологический, сущностный (смысловой) и социально-исторический.

Этимологически слово «соборность» представляет собой морфологическое преобразование слова «соборный», осуществленное, как полагает В.М. Лурье, после смерти А.С. Хомякова Ю.Ф. Самариним [Лурье, 2020]. «Соборный» происходит от слова «собор» и включает в себе идею сбора, собирания, то есть соединения, возникновения некоей совместности. Это слово, как считается, использовали Кирилл и Мефодий при переводе девятого члена Никео-Цареградского Символа веры⁸. Заключенное в оригинальном греческом *καθολικός* «понятие всеобщности» можно было бы, пишет А.С. Хомяков, перевести также посредством слов «всемирный» и «вселенский», однако данные слова задают пространственно-географические или этнографические коннотации, в то время как проsvетители, по мнению Хомякова, стремились передать идею духовного трансцендентного собрания (см.: [Хомяков, 1994: 242]).

Как бы то ни было, содержащаяся в соборности идея всеобщности и духовного единства, воплощаемых в *собрании людей*, подспудно несет в себе социологический смысл, провоцируя на соответствующие смысловые смещения. В этом отношении любопытно сопоставить идею соборности с тем, как описывает Хомяков значение введенных Иваном IV Земских соборов, которое он видел не в согласовании индивидуальных или групповых мнений, основой чего выступают «личные, шаткие и произвольные понятия», но в утверждении единодушия, опирающегося на «древний обычай, который один для всех русских, и прямой закон Божественный, который один для всех Православных». Земская Дума, – пишет Хомяков, – связывала «воедино волю государя с обычаем и нравственным чувством народа», скрепляя «государственную силу любовью и смыслом народа» [Хомяков, 1900: 34–35]. Точным комментарием к этому фрагменту будет предпринятый современными исследователями анализ смысла представительных учреждений русского средневековья, выросших из церковных соборов и, как и последние, ориентированных на «идеал высшей истины»: «...собор созывается не для того, чтобы совместными

⁸ «Верую во единою, святую, соборную (кафолическую) и апостольскую Церковь».

усилиями выработать сбалансированное решение, ...не для того, чтобы достичь компромисса путем переговоров и взаимных уступок, и не для того, чтобы вынести спорный вопрос на голосование или защитить интересы своих членов. Ни одна из этих процедур, соответствующих эгалитаристским стандартам современной демократии, задачей собора не является и являться не может. Ибо цель собора – не представительство интересов церкви или общества, или своих членов, а выявление имеющей священный характер истины. Он олицетворяет собой духовное единство своих членов, а не разнообразие их интересов» [Бирюков, Сергеев, 1995: 57]. Можно согласиться с А. Валицким, что «славянофильская экклесиология составляет неотъемлемую часть славянофильской социальной философии: между суждениями о сущности церкви и взглядами на светские формы общественной жизни здесь имеется тесная связь. ...для Хомякова церковь была своего рода идеальной моделью определенного типа общественных связей» [Валицкий, 2019: 240–241].

Если вынести за скобки религиозно-мистическое наполнение слов *соборный/соборность*, сущностно они восходят к таким категориям, как *совместность, связь, коммуникация, общение*. Всё это – базовые социологические категории, отражающие феномен соединения индивидов. «Общение, – замечает С.С. Хоружий, – центральный принцип социальной философии Хомякова» [Хоружий, 2002б: 14]⁹. В наддисциплинарном ключе соборность воплощает философские идеи холизма, интеграции, отношения как некоего типа связи и взаимозависимости. «Не численностью верующих и не видимым их собранием образуется Церковь, но самой связью, объединяющей их» [Хомяков, 1994: 172]. Будучи аутентично теологическим, соборность есть вместе с тем глубоко социологическое понятие, отражая фундаментальное предположение, согласно которому Бог приходит в мир не через личность, а через общность. Понятая как «особый ...порядок бытия» [Хоружий, 2002: 168], «особый тип единения индивидов, принцип коммуникации, ...невыврачимый в рациональном дискурсе» [Мищенко, 2011: 322], соборность представляет собой ключевой концепт религиозного варианта социологии. В определенных своих аспектах эта социология, по-видимому, может быть интегрирована со светской, но данное предположение требует отдельного рассмотрения.

Третий ракурс экспликации социального содержания соборности связан с вопросом о социально-исторических предпосылках этой идеи, ее укорененности в социальном бытии, исторически сложившихся принципах и формах социального общежития. Это прежде всего, конечно, вопрос об общине.

Данный вопрос, имеющий большую исследовательскую традицию и вот уже более полутора веков находящийся в центре научных и идеологических дискуссий, настолько сложен и неоднозначен, что будет разумно оставить его за скобками настоящего рассмотрения¹⁰. Заметим лишь, в качестве необходимого для нашего сюжета резюме, что

⁹ Здесь стоит отметить личностную характеристику мировоззрения А.С. Хомякова, а именно – «общежительный, “киновийный” характер его духовного типа и духовного мира» [Хоружий, 2002б: 14], что, логично предположить, привел его на определенном этапе творчества к идее Соборной Церкви. Небезынтересен также такой личностно-биографический аспект рассматриваемой тематики, как тесная семейственность славянофилов: «Характерной особенностью московского кружка [славянофилов] было то, что его члены были представителями старинных дворянских семей и даже состояли между собой в родстве» [Фатеев, 2006: 15]. В частности, мать А.С. Хомякова была урожденная Киреевская.

¹⁰ Сошлемся лишь на один источник, дающий неплохое представление о непрекращающихся дискуссиях на тему «пресловутой “общинности”, которая заворочила столь многих историков давнего и недавнего времени» [Гуревич, 2007: 21], – подборку публикаций на эту тему в [Споры об общине... 2017], а также воспроизведем принципиальный тезис зачинщика этих споров на их сегодняшнем этапе Л.Б. Алаева: «Представления о древнем происхождении русской общины с уравнительными переделами земли основаны на домыслах, и это хорошо известно специалистам, однако в обиходе, в идеологических и политических кругах сохраняются мифологические представления об извечности русской общины и об особой “общинности”, свойственной российскому менталитету» [Алаев, 2017: 16].

(1) речь идет не просто об общине как организации совместного быта и хозяйствования на территории общего проживания¹¹, но об общине в том ее утопическом идеализированном образе, который манифестировали славянофилы и который задавал социальные ориентиры их религиозно-философским построениям, – общине как воплощении коллективистского духа, как «нравственном хоре» [Аксаков, 1861: 291–292] или «нравственной личности» [Герцен, 1956: 259]. (2) Исторические исследования заставляют поставить под сомнение как само существование подобной общины, так и представление об общинно-коллективистской основе мировоззрения русского крестьянина. Более прагматический подход к вопросу общины позволяет увидеть в ней феномен «моральной экономики», основанной на «этике выживания» [Скотт, 1997], оставляя мало места для романтизации выработанных для этого необходимых «технических, социальных и моральных приспособительных приемов», будь то «использование нескольких разновидностей семян, ...периодическое перераспределение общинной земли» или «помощь временно нуждающимся родственникам или соседям» [там же: 205]. В этом плане коллективистские установки крестьян вряд ли были проявлением некоего присущего им исконного «соборного сознания»¹², но отражали принципы совместного общежития, естественно вытекающие из проживания и хозяйствования на общей территории и необходимости регулировать вопросы, с этим связанные. В то же время традиционный (характерный для доиндустриального общества) труд на земле сам по себе индивидуален и служит предпосылкой формирования соответствующих – индивидуалистических – черт и установок крестьянского сознания. «Испокоин веков основным производителем сельскохозяйственной продукции было личное крестьянское хозяйство... Исторически ...крестьянский индивидуализм оказывался данью всем тяготам личного хозяйствования на земле» [Рашковский, 2018: 106]. Подобная ситуация порождает, пишет А.Я. Гуревич, «дуализм “земледельческой” общины, коренившийся в противоречии между коллективным и индивидуальным началами, [который] неизбежно должен был отражаться и на отношении личности и общества» [Гуревич, 2007: 280]. Разумно, таким образом, предположить, что в крестьянском сознании присутствовали как коллективистские, так и индивидуалистические начала, хотя вопрос о соотношении этих начал не поддается легкому решению.

Тезис о том, что «идея соборности ...коренится в общинных началах народной жизни» и «произрастает из общинной психологии народа» [Медушевская, 2010: 26, 18], представляется сильным упрощением ситуации не только в силу указанных выше социально-исторических причин. Идея соборности, сколь бы ни были сильны ее социальные истоки, является сложной метафизической конструкцией, которая не вытекает из жизни, но порождается на достаточно высоком уровне философской рефлексии. В этом отношении обращает на себя внимание критика Н.А. Бердяевым «идиллической концепции славянофилов о русской общине», в которой он видел их тяготение к «экономическому материализму». Оспаривая «то преувеличенное значение, которое Хомяков и все славянофилы

¹¹ Говоря об общине как реальном социальном явлении, следует четко выделять тематические срезы соответствующих рассуждений: идет ли речь об общине как способе хозяйственной деятельности (то есть об общине в *экономическом смысле*), способе поддержания порядка и повседневной коммуникации внутри территориально обособленной единицы (то есть об *социальных смыслах* общины), мировоззренческих установках в отношении социального целого (о *ментально-психологическом* измерении понятия “община”).

¹² Именно этот аргумент выдвигал, в частности, в середине XIX в. И.Д. Беляев в известной полемике с Б.Н. Чичериным о происхождении и месте общины в российской истории: «причина, почему община не распадалась, заключалась не в хозяйственной цели, а лежала гораздо глубже, именно: в самом духе народа, в складе русского ума, который не любит и не понимает жизни вне общины, который даже в своей родной кровной семье хочет видеть общину, товарищество...»; «Этот-то народный дух развил общину в русской жизни, постоянно поддерживал ее с незапамятных времен и поддерживает в настоящее время...» [Беляев, 1856: 15; 16]. Для многих современных исследователей мнение об «общинности ...как выражении русской духовности» [Артамонова, 2018] остается непререкаемой истиной.

придают русской общине», Бердяев замечает: «У него выходило почти так, что без сельской общины христианство невозможно», в то время как, по убеждению Бердяева, «соборность, духовный коллективизм не может зависеть от таких экономических производственных фактов, как сельская община». Задавая риторический, в его представлении, «вопрос, можно ли ставить в такую зависимость дух русского народа и призвание народа от общественных и экономических условий, от эмпирической истории», Бердяев отвечает: «Дух народа воспринимается лишь мистической или художественной интуицией. А религиозное призвание его зависит от пророчеств»; «Русский народ не потому христианский, что у него была крестьянская община, а потому, ...что были у него св. Сергий Радонежский, Нил Сорский, Серафим Саровский» [Бердяев, 1912: 178–200]. Представляется, что именно подобную мысль пытается схватить современный автор, когда пишет: «Философия соборности представляет собой подвергнутую философской рефлексии русскую экзистенциальную традицию осмысления социального бытия», утверждая при этом, что «концепция соборности, разработанная русскими религиозными философами, в существенной мере не совпала с конкретно-историческими проявлениями соборной жизни русского народа» [Киреев, 2009: 14, 13].

Дискурс славянофилов об общине как «о лучшем, о святейшем остатке народной старины, которому должна была бы подражать и завидовать вся остальная Европа» и воспеваемая ими «тихая гармония сельского быта» [Хомяков, 1900: 117, 102]¹³ отчасти были реакцией на социальную отсталость страны¹⁴ и попыткой увидеть в отсталости самобытность, отчасти отразили общеевропейские буколические настроения в отношении «благородного дикаря»¹⁵.

Если сам А.С. Хомяков, придавая огромное значение общине, тем не менее никогда напрямую не проецировал на нее соборность¹⁶, то его последователи эксплицировали (что было, как представляется социологически, неизбежным) очевидную связь между социальными и духовно-нравственными началами этого понятия. В сочинениях К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина, С.Л. Франка, Л.П. Карсавина соборность уже открыто выступает как социологическая категория. Неслучайно само понятие «соборности», сконструированное, по-видимому, Ю.Ф. Самариним (см. [Лурье, 2020: 85–86], морфологически перекликается с «общинностью». Здесь начинается, как пишет Хоружий, «грустная линия в истории соборности» [Хоружий, 1994]. Идеологические последствия подобного смыслового смещения ярко демонстрирует огромное число не только публицистических, но и научных публикаций на эту тему. Между тем понятие соборности, отражающее фундаментальную установку русской мысли на тотализующее схватывание бытия, перспективно осмыслить в теоретико-методологическом ракурсе, для чего необходимо вернуться к аутентичному не-социологическому смыслу данного понятия.

¹³ Связь концепции соборности с идеализацией столь дорогого сердцу славянофилов помещичье-общинного уклада деревенской жизни кажется несомненной. Здесь также чувствуются персонально-биографические предпосылки социальной философии А.С. Хомякова, который, «как и все славянофилы, ...был добрый русский барин, добрый русский помещик, и само народничество его имело барский привкус. ... Идеал Хомякова – ...это ...идеал мужицкого христианского царства, прошедший чрез душу просвещённого барина» [Бердяев, 1912: 202].

¹⁴ Как справедливо пишет Н.А. Бердяев, «община свойственна всем народам на известной стадии их исторического развития и исчезает на стадиях последующих, ...в русской общине нет ничего особенно оригинального, ...она связана с низшими формами народного хозяйства» [Бердяев, 1912: 179].

¹⁵ Весьма тонким представляется замечание о том, что социальная философия славянофилов «слишком идет по линии теологизации Volksgeist*», что сближает ее с теориями немецких романтиков (см. [Хоружий, 2002: 171]). * нем. народный дух.

¹⁶ «Если ...Хомяков ...был внутренне уверен в наличии “сродства” между принципами единства крестьянской общины и единства Церкви, то он все-таки никогда не решался заявить об этом на языке богословия. Он понимал, что для такого заявления ему нужна будет богословская экспликация того, что делает Церковь Церковью, причем эта экспликация должна будет совпасть с его объяснением того, что может объединять людей в общины светские» [Лурье, 2020: 86].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксаков К.С. Краткий исторический очерк Земских Соборов // Полное собрание сочинений К.С. Аксакова. Т. 1. М.: В тип. П. Бахметева, 1861. С. 291–306.
- Алаев Л.Б. «Тезисы, выносимые на защиту» // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 78. М.: Наука, 2017. С. 15–17.
- Алейников О.Н. «Опыт катихизического изложения учения о церкви» (или «Церковь одна») А.С. Хомякова как целостное выражение идеи соборности // Сб. трудов Тульской духовной семинарии. 2017. Вып. 3. С. 21–30.
- Анисин А.Л. Соборность: феномен, понятие и принцип // Вестник Челябинского госун-та. 2009. № 33. Философия. Социология. Культурология. Вып. 14. С. 5–11.
- Артамонова Т.А. Общинный уклад жизни российского общества: философско-исторический анализ // Российское крестьянство и сельское хозяйства в контексте. Йошкар-Ола: МарГУ, 2018. С. 668–676.
- Бабич В.В. Понятие соборности в русской религиозной философии // Вестник ТГУ. Социологические науки. 2009. № 324. С. 63–66.
- Бармашова Т.И., Ломанов П.В. Понятие «соборность» в русской философии // Вестник БГУ. Философия. 2020. Вып. 1. С. 73–80. DOI: 10.18101/1994-0866-2020-1-73-80.
- Беляев И.Д. Обзор исторического развития сельской общины в России. М.: тип. А. Семена, 1856.
- Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. М.: Путь, 1912.
- Бирюков Н., Сергеев В. Демократия и соборность: представительная власть в традиционной российской и советской политической культуре // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 53–68.
- Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М.: НЛО, 2019.
- Герцен А.И. О сельской общине в России // Собр. соч. в 30 т. Т. VII. М.: АН СССР, 1956. С. 259–263.
- Голович Р. Соборность: из истории русской религиозной социальной мысли // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 121–125. DOI: 10.31857/S0132162500093890.
- Горелов А.А. А.С. Хомяков: учение о соборности и русская община // Культура и общество. 2017. № 2. С. 78–97. DOI: 10.17805/zpu.2017.2.6.
- Гулыга А.В. Русский философский ренессанс // Русская идея и современность. М., 1992. С. 79–83.
- Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе // Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 186–342.
- Ерофеева И.В. Концепт «соборность» в пространстве современного медиатекста: проблемы репрезентации // Вестник Волгоградского госун-та. Сер. 7. Философия. 2010. № 2. С. 18–25.
- Иванов В.И. Легион и соборность // Родное и вселенское М.: Республика, 1994. С. 96–101.
- Киреев В.К. Феномен соборности и его роль в социокультурном развитии российского общества: дисс. ...канд. филос. наук: 24.00.01. Воронеж, 2009.
- Костылева В.Ю. Соборность как форма проявления социальной практики: ретроспективный анализ // Вестник АГТУ. 2007. № 5. С. 49–55.
- Лазарев В.В. Соборность. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0178cc6530a5c64973161178> (дата обращения: 03.02.2024).
- Лурье В.М. «Соборность»: появление термина и понятия в трудах Псевдо-Хомякова // Studia Religiosa Rossica. 2020. № 1. С. 72–88. DOI: 10.28995/2658-4158-2020-1-72-88.
- Медушевская Н.Ф. Интеллектуально-духовные основания российского права: автореф. дисс. ...д. юр. н.: 12.00.01. М., 2010.
- Мищенко А.В. О соборности как понятии духовном, религиозном и философском // Вестник МГТУ. 2011. Т. 14. № 2. С. 319–324.
- Монина Я.Я. Категория соборности в русской культуре // Позиции философии в современном обществе. Екатеринбург: Уральский ун-т, 2010. Т. 2. С. 47–52.
- Мороз В.В., Рымарович С.Н. Модели альтернативного общества в социально-философских утопических проектах XIX-начала XX вв. // Научные ведомости. Сер. Философия. Социология. Право. 2016. № 10. Вып. 36. С. 5–14.
- Осипов И.Д. Категория соборность в русской философии // Россия в глобальном мире. 2015. № 7. С. 403–410.
- Пестрецов А.Ф. Соборность – константа русского национального самосознания // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2008. № 1. С. 176–182.
- Рашковский Е.Б. Социальный миф и развитие // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 4. С. 103–108. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-4-103-108.
- Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? СПб.: Петрополис, 1994.

- Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец. М.: Прогресс-Прогресс-Академия, 1992. С. 202–210.
- Споры об общине. Приглашение к дискуссии: общности и их функции // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 78. М.: Наука, 2017. С. 14–40; 41–93.
- Теплых Н.В. Соборность и патриотизм как ценности русского мира // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Т. 10. № 3А. С. 202–208. DOI: 10.34670/AR.2021.22.58.031.
- Фатеев В.А. В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: PRO ET CONTRA: СПб.: РХГА, 2006. С. 1–48.
- Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М.: ИРЦ, 2009.
- Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 3. М.: Университетская тип. на Страстном бульваре, 1900.
- Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т. 2. Работы по богословию. М.: Медиум, 1994.
- Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алтейя, 1994. URL: <https://www.synergia-isa.ru/lib/lib.htm#Н> (дата обращения: 15.02.2024).
- Хоружий С.С. Алексей Хомяков: Учение о соборности и Церкви // Богословские труды. Т. 37. 2002-а. С. 153–179.
- Хоружий С.С. Современные проблемы православного мирозерцания, 2002-б. URL: <https://www.eparhia-saratov.ru/Content/Books/91/problems.pdf> (дата обращения: 13.02.2024).
- Хоружий С.С. Идея соборности: ее православно-славянофильские истоки и ее перспективы в современном постсекулярном мире, 2012. URL: https://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/10/horzhy_sobornost_2012.pdf (дата обращения: 15.02.2024).

Статья поступила: 19.02.24. Принята к публикации: 02.04.24.

SOBORNOST AS A NON-SOCIOLOGICAL CATEGORY

SHMERLINA I.A.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Irina A. SHMERLINA, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (shmerlina@yandex.ru).

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the concept “conciliarity” (“sobornost”) and is motivated by its incorrect, in the author’s opinion, use in modern sociological literature. Having put forward the understanding of sobornost as a transcendent / socially loaded category as the main dilemma, the author gives an ambiguous solution to it. It is shown that the concept of sobornost, the appearance of which in Russian religious philosophy and, more broadly, Russian culture, is traditionally associated with the name of A.S. Khomyakov, is deeply rooted in the religious-mystical experience of the latter and requires careful handling. Sobornost, in its authentic understanding, is the divine grace that descended upon the meeting of believers and mystically transformed it. This concept belongs to the theological picture of the world; bringing it into sociological analysis is incorrect, and its use in socio-political discourse is unwholesome, since it sets false guidelines and values. At the same time, the vulgarization of the notion of “sobornost” present in many works can be explained not only by a superficial and / or tendentious reading, but also by the inherent deep ambivalence of this concept, the obvious gaps between its authentic content and latent mental constructs embedded in it and analytically revealed by a certain research perspective. “Sobornost” was born as a social, in its basic intuitions, category, and in its historical development it returns to these intuitions. The presence of a certain connection between the deeply mystical authentic content of “conciliarity” and its social projections, as well as its subsequent sociologically inevitable secularization, turns the concept under consideration into an extremely curious object of terminological analysis.

Keywords: conciliarity (sobornost), conciliar (soborny), Church, unity, systemic whole, rural community, Slavophiles, A.S. Khomyakov, Yu.F. Samarin.

REFERENCES

- Aksakov K.S. (1861) A brief historical sketch of the Zemsky Councils. In: *The Complete works of K.S. Aksakov*. Vol. I. Moscow: V tip. P. Bakhmeteva: 291–306. (In Russ.)
- Alaev L.B. (2017) "Theses submitted for defense". In: *The Middle Ages: studies on the history of the Middle Ages and early Modern Times*. Iss. 78. Moscow: Nauka: 15–17. (In Russ.)
- Aleynikov O.N. (2017) "The experience of the catechetical exposition of the doctrine of the Church" (or "The Church is one") by A.S. Khomyakov as an integral expression of the idea of conciliarity. In: *Collection of works of the Tula Theological Seminary*. Iss. 3: 21–30. (In Russ.)
- Anisin A.L. (2009) Sobornost: phenomenon, concept and principle. *Vestnik Chelyabinskogo gosun-ta. № 33. Filosofiya. Sociologiya. Kul'turologiya* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. No. 33. Philosophy, Sociology, Cultural studies]. Iss. 14: 5–11. (In Russ.)
- Artamonova T.A. (2018) Communal way of life of Russian society: philosophical and historical analysis. In: *Russian peasantry and agriculture in the context of regional history*. Yoshkar-Ola: MarGU: 668–676. (In Russ.)
- Babich V.V. (2009) The concept of conciliarity in Russian religious philosophy. *Vestnik TGU. Sotsiologicheskiye nauki* [Bulletin of Tomsk State University. Sociological Sciences]. No. 324: 63–66. (In Russ.)
- Barmashova T.I., Lomanov P.V. (2020) The concept of "sobornost" in Russian philosophy. *Vestnik BGU. Filosofiya* [Bulletin of Buryat State University. Philosophy]. Iss. 1: 73–80. DOI:10.18101/1994-0866-2020-1-73-80. (In Russ.)
- Belyaev I.D. (1856) *Review of the historical development of rural communities in Russia*. Moscow: tip. A. Semenina. (In Russ.)
- Berdyaev N.A. (1912) *Alexey Stepanovich Khomyakov*. Moscow: Put'. (In Russ.)
- Biryukov N., Sergeev V. (1995) Democracy and conciliarity: representative power in traditional Russian and Soviet political culture. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 6: 53–68. (In Russ.)
- Disputes about the community; Invitation to discussion: communities and their functions. In: *The Middle Ages: studies on the history of the Middle Ages and early Modern Times*. Iss. 78. Moscow: Nauka: 14–40; 41–93. (In Russ.)
- Fateev V.A. (2006) In the debate about the original path of Russia. In: *Slavophilism: PRO ET CONTRA*. St. Petersburg: RHGA: 1–48. (In Russ.)
- Florovsky G.V. (2009) *Paths of Russian theology*. Moscow: IRC. (In Russ.)
- Golovic R. (2020) The 'sobornost': from the history of Russian religious and social thought *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 121–25. DOI: 10.31857/S0132162500093890 (In Russ.)
- Gorelov A.A. (2017) A.S. Khomyakov: doctrine on «sobornost» (collegiality) and Russian community. *Kul'tura i obshchestvo* [Culture and Society]. No. 2: 78–97. DOI: 10.17805/zpu.2017.2.6 (In Russ.)
- Gulyga A.V. (1992) Russian philosophical renaissance. In: *Russian idea and modernity*. Moscow: 79–83. (In Russ.)
- Gurevich A. Ya. (2007) Problems of the genesis of feudalism in Western Europe. In: *Selected works. Ancient Germans. Vikings*. St. Petersburg: SPbGU: 186–342. (In Russ.)
- Herzen A.I. (1956) About the rural community in Russia. In: *Collected works in 30 vol. V. VII*. Moscow: AN SSSR: 259–263. (In Russ.)
- Ivanov V.I. Legion and conciliarity. In: *Native and universal*. Moscow: Respublika: 96–101. (In Russ.)
- Khomyakov A.S. (1900) *The Complete Works*. V. 3. Moscow: Universitetskaya tip. na Strastnom bul'vare. (In Russ.)
- Khomyakov A.S. (1994) *Works in two volumes. V.2. Works on theology*. Moscow: Medium. (In Russ.)
- Khoruzhy S.S. (1994) After the break. Paths of Russian philosophy. St. Petersburg: Alteyya. URL: <https://www.synergia-isa.ru/lib/lib.htm#H> (accessed 15.02.2024). (In Russ.)
- Khoruzhy S.S. (2002-a) Alexey Khomyakov: The doctrine of conciliarity and the Church. *Bogoslovskiy trudy* [Theological works]. Vol. 37: 153–179. (In Russ.)
- Khoruzhy S.S. (2002-6) Modern problems of the Orthodox worldview. URL: <https://www.eparhia-saratov.ru/Content/Books/91/problems.pdf> (accessed 13.02.2024). (In Russ.)
- Khoruzhy S.S. (2012) *The idea of conciliarity: its Orthodox-Slavophile origins and its prospects in the modern post-secular world*. URL: https://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/10/horuzhy_sobornost_2012.pdf (accessed 15.02.2024). (In Russ.)
- Kireev V.K. (2009) *The phenomenon of conciliarity and its role in the sociocultural development of Russian society: dissertation for the degree of Candidate of Philosophical sciences: 24.00.01 Voronezh*. (In Russ.)
- Kostyleva V. Yu. (2007) Sobornost as a form of appearance of social interrelations: a retrospective analysis. *Vestnik AGTU* [Bulletin of Astrakhan State Technical University]. No. 5: 49–55. (In Russ.)

- Lazarev V.V. *Sobornost*. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0178c-c6530a5c64973161178> (accessed 03.02.2024). (In Russ.)
- Lourie B. (2020) "Conciliarity": the emergence of a term and concept in the writings of Pseudo-Khomyakov". *Studia Religiosa Rossica*. No. 1: 72–88. DOI: 10.28995/2658-4158-2020-1-72-88. (In Russ.)
- Medushevskaya N.F. (2010) *Intellectual and spiritual foundations of Russian law: abstract of the diss.* ... Moscow. (In Russ.)
- Mishchenko A.V. (2011) On conciliarity as a spiritual, religious and philosophical concept. *Vestnik MGTU* [Herald of the Bauman Moscow State Technical University]. Vol. 14. No. 2: 319–324. (In Russ.)
- Monina Ya. Ya. (2010) Category of conciliarity in Russian culture. In: *Positions of philosophy in modern society*. Ekaterinburg: Ural'sk. un-t. Vol. 2: 47–52. (In Russ.)
- Moroz V.V., Rymarovich S.N. (2016) The models of the alternative society in socio-philosophical utopian projects of XIX – beginning of XX centuries. *Nauchnyye vedomosti. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific bulletins. Series Philosophy. Sociology. Law]. No. 10. Iss. 36: 5–14 (In Russ.)
- Osipov I.D. (2015) Category of conciliarity in Russian philosophy. *Rossiya v global'nom mire* [Russia in the global world]. No. 7: 403–410. (In Russ.)
- Pestretsov A.F. (2008) Sobornost as a constant value in Russian national moral. *Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevskogo. Ser. Sotsial'nyye nauki* [Bulletin of Lobachevsky University. Series Social Sciences]. No. 1: 176–182. (In Russ.)
- Rashkovskii E.B. (2018) Social myth and development. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. Vol. 62. No. 4: 103–108. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-4-103-108. (In Russ.)
- Sagatovskiy V.N. (1994) *Russian idea: shall we continue the interrupted path?* St. Petersburg: Petropolis. (In Russ.)
- Scott J. (1992) The moral economy of the peasantry as an ethic of survival. In: *The Great Stranger*. M.: Progress–Progress-Akademiya: 202–210.
- Teplikh N.V. (2021) Sobornost and patriotism as the value of the Russian world. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being]. Vol. 10. No. 3A: 202–208. DOI: 10.34670/AR.2021.22.58.031. (In Russ.)
- Valitsky A. (2019) *In the circle of conservative utopia. Structure and metamorphoses of Russian Slavophilism*. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Yerofeeva I.V. (2010) The concept «conciliarism» in the sphere of modern mediatext: representation problems. *Vestnik Volgogradskogo gosun-ta. Ser. 7. Filosofiya* [Bulletin of Volgograd State University. Ser. 7 Philosophy]. No. 2: 18–25. (In Russ.)

Received: 19.02.24. Accepted: 02.04.24.